

Общие вопросы истории и философии науки

МЕТАФИЗИКА: ЭВРИСТИЧЕСКИЕ ПРОГРАММЫ И ПРИНЦИПЫ НАУКИ*

В.А. Яковлев

Кратко рассматривается предыстория проблемы метафизики бытия природы и человека. Анализируется ее современное состояние в общепhilософском, религиозном и естественно-научном контекстах. Обосновывается определение метафизики как ядра духовной теоретической деятельности – совокупности креативов-эйдосов, являющихся фундаментом исследовательских программ науки. Выделяются семь бинарно-взаимодополнительных метафизических программ Античности, определивших в дальнейшем основные направления научной деятельности.

Ключевые слова: метафизика, бытие, креативы, принципы, оппозиции, инновации, программы

«Метафизика – попытка постичь мир как целое с помощью мысли».

Б. Рассел

Смысл и содержание понятия «метафизика» изменялись в ходе развития философии. Книги, которые остались после Аристотеля и, можно сказать, чудом сохранились, носили довольно разнородный характер. Андроник Родосский, систематизатор и издатель рукописей Аристотеля, живший на два века позже самого Стагирита, при их издании, вероятно, руководствовался простым принципом: те книги, которые озаглавил сам автор, вышли под названием «Физика», а все остальные получили общее название «Метафизика», т.е. «то, что идет после физики».

Однако в дальнейшем, как и всякий неологизм, «метафизика» стала интерпретироваться в разных смыслах. Один смысл – это нечто вторичное по отношению к физике (поскольку «мета» – «после»). Например,

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ (проект № 12-06-00128).
© Яковлев В.А., 2013

А.Н. Чанышев пишет: «Ирония истории философии состояла в том, что идущее перед физикой у самого Аристотеля было названо метафизикой, т.е. идущим после физики» [1]. Второй смысл, и его придерживается большинство исследователей творчества Аристотеля, связан с интерпретацией «мета» как чего-то «сверх», «в основе» физики, а значит, всего мироздания. Иначе говоря, метафизика – это «первая философия», физика – «вторая философия», а замыкает круг теоретических наук математика.

Метафизика («первая философия») изучает начала и причины всего сущего, сверхчувственные, вечные и неподвижные сущности, а чувственное, подвижное и изменчивое изучает физика. Метафизика – это «божественная наука», в сравнении с которой, согласно Аристотелю, другие науки представляются более необходимыми, но «лучше нет ни одной».

Далее Аристотель конкретизирует свое понимание «первой философии» в хорошо известной теории четырех первоначал бытия: материального, формального, движительного, энтелехияльного. Здесь важно подчеркнуть, что в дальнейшем метафизика ассоциируется не вообще со всем корпусом философского знания, а лишь с определенной его частью, касающейся исходных, сущностных принципов мироздания.

Размышлять об этих принципах стали еще первые натурфилософы Древней Греции начиная с Фалеса. По мере возрастания степени абстрактности данных принципов формировались основные исследовательские программы, сыгравшие важную роль не только в становлении науки Античности, но и в формировании классической науки XVII–XVIII вв.

Эвристическую функцию метафизики в немецкой классической философии наиболее точно определил И. Кант. Хотя метафизика, по его мнению, не является наукой в том смысле, в каком ею являются физика и математика, однако она отражает неотъемлемое свойство разума, его попытки выйти за сферы трансцендентального в сферу трансцендентного (от феноменов к ноуменам), хотя это и ведет к известным антиномиям. Кант пишет: «Метафизика существует если не как наука, то, во всяком случае, как природная склонность (*metaphysica naturalis*). В самом деле, человеческий разум в силу собственной потребности, а вовсе не побуждаемый одной только суетностью всезнания, неудержимо доходит до таких вопросов, на которые не может дать ответ никакое опытное применение» [2]. Говоря иначе, по Канту, это метафизическое свойство разума есть «неистребимая потребность» человека.

Гегель создает грандиозную метафизическую систему, во главе которой находится Абсолют, понимаемый как нечто божественное, начало мироздания, объективная истина и высшая ценность.

Философия диалектического материализма, синтезируя материализм французских просветителей Д. Дидро, К. Гельвеция, Ж. Ламетри, П. Гольбаха и идеалистическую диалектику Г. Гегеля, разрабатывает диалектико-материалистическую онтологию, в центре которой лежит учение о материи, ее атрибутах и формах движения. «Сейчас модно критиковать диалектический материализм, – пишут А.В. Иванов и В.В. Миронов, – но если внимательно проанализировать его концепции, то можно заметить, что для многих его представителей идеология выступала лишь вынужденной ширмой, за которой билась живая и сильная метафизическая мысль, чутко реагировавшая на все изменения мировой философской мысли» [3].

В XX в. наиболее оригинальной и всесторонне представленной является метафизика М. Хайдеггера. Ядро этой метафизики – идея фундаментальной онтологии. Философ пишет: «Раскрытие бытийной конституции вот (здесь)-бытия есть онтология. Поскольку в ней должна быть заложена основа возможности метафизики, – фундамент которой суть конечность вот (здесь)-бытия, – она называется *фундаментальной онтологией*» [4].

В настоящее время метафизические исследования развиваются по трем взаимосвязанным программам: религиозной, естественно-научной и философской.

Первая программа была заложена еще в эпоху Средневековья и сыграла определенную позитивную роль в становлении науки Нового времени [5]. В наши дни теологи Папской академии наук регулярно проводят специальные тематические конгрессы, посвященные проблемам метафизики. Автор данной работы непосредственно участвовал в работе I Конгресса «Метафизика третьего тысячелетия» (Рим, 2000 г.) и III Конгресса «Метафизика. Культура. Наука» (Рим, 2006 г.). В выступлениях участников конгрессов и подготовленных печатных материалах метафизика, в отличие от традиционного, идущего от Античности понимания ее как теории о сущностных онтологических причинах бытия, переосмысливалась в качестве связующего звена между наукой, философией и религией. Предлагалось рассматривать метафизику в широком плане – как фундаментальную метатеорию, лежащую в основании всех частей философского знания, базовых научных концепций и мировых религий.

В целом, теологи трактовали метафизику как совокупность определенных трансцендентальных (априорных) идей, тождественных в своей целостности идее Бога. Причем, личностное, антропоморфное божественное начало как бы отходило на второй план.

Анализировались известные философские направления. В частности, феноменология и позитивизм критиковались за то, что их разработчики считают в принципе невозможным проникнуть в сущность чего-либо, а значит, отрицают понятие сущности как пустое и бесполезное, полагая, что наука должна довольствоваться только установлением связей между явлениями. Экзистенциализм М. Хайдеггера, Ж.П. Сартра, А. Камю не устраивал католических теологов в связи с преимущественной ориентацией онтологии на проблематику человека как его «бытия к смерти». Материализм начиная с Демокрита и Эпикура и далее до французских материалистов-просветителей и марксистской философии представлялся крайне неполноценным учением ввиду стремления объяснить все и вся исходя только из человеческого опыта и социальной практики.

В гносеологическом плане критиковался современный релятивизм, отстаивающий постулаты методологии принципиального плюрализма научных теорий и их интерпретаций. Это направление философии науки появилось в связи с новейшими открытиями в естествознании, поставившими под сомнение многие истины классической науки. В целом утверждалось, что наука как одна из сфер культуры без метафизики теряет смысл и ценностные гуманистические ориентиры.

Этический вектор современной цивилизации, с точки зрения католических теологов, утрачивая христианскую метафизическую основу, все более определяется не духовностью, а прагматикой, меркантильностью, эгоизмом, что особенно отчетливо выражается в философии постмодернизма, вообще отрицающего наличие каких-либо объективных человеческих ценностей.

Важнейшей особенностью метафизики католицизма является попытка осмысления так называемого мистического опыта. Мистицизм имеет длительную историю. Это важнейшая составляющая даосизма и каббалы, учений средневековых философов Б. Клервосского, М. Экхарта, Я. Беме, а также Р. Штайдера, В.С. Соловьева, матери Терезы, известного индийского мистика Ошо и др. Современная католическая метафизика стремится рационализировать мистический опыт, считая, что он «возможен тогда и только тогда, когда у человека уже есть представление о трансцендентальном» [6].

Как утверждал профессор Т. Кац, мистический опыт не может быть лишь эмоционально-чувственным. Он всегда концептуально выражен, так как индивид сообщает посредством речи, т.е. логоса, другим людям, что он испытал нечто необычное и взволновавшее его. Т. Кац считает, что «мистический опыт постоянно присутствует и транслируется в куль-

туре. Уловить этот опыт возможно... с помощью техники медитации, поскольку опыт медитации тоже транслируется в культуре многих народов» [7]. Теологи, по его мнению, обоснованно утверждают, что каждый человек испытывает, так или иначе, мистический опыт, когда в раннем возрасте бессознательно овладевает родным языком, не зная ни его морфологии, ни синтаксиса.

Профессор Д. Мюррей подчеркнул, что «мистическая теология изучает трансформацию человека через его причастность к божественному. Но для этого нужен новый язык, сопрягающий мистическое и рациональное. Уже известны примеры – самоотчеты пациентов о жизни после смерти (мистический опыт клинической смерти)» [8].

Президент III Конгресса «Метафизика, культура, наука» А. Фернандес также утверждал, что «такие трансцендентальные события, как любовь, надежда, крещение и другие церковные таинства, всегда трактовались как свидетельство того, что люди в своей жизни... испытывают мистический опыт» [9].

В практику проведения такого рода конгрессов постепенно входит рассмотрение метафизических оснований антропологии, эпистемологии, эмпирических наук, образования, медицины, экономики, политики, права, этики и эстетики. Сам спектр тем свидетельствует о том, что метафизика понимается как способ выражения предельной реальности каждой сферы культуры, как концепция Абсолюта, к построению которой человечество постоянно стремилось и стремится в ходе исторического развития.

Необходимо подчеркнуть, что в последнее десятилетие все более глубокий метафизический подход к развитию современной науки, к осмыслению новейших научных открытий и выяснению фундаментальных религиозных ценностей генезиса науки демонстрирует православная ветвь христианства.

Так, в докладе на Юбилейном Архиерейском соборе Русской православной церкви 2000 г. председателя Синодальной богословской комиссии митрополита Минского и Слуцкого Филарета, патриаршего экзарха всея Беларуси, было подчеркнуто, что проблема «богословского осмысления методов и пределов фундаментальных наук, претендующих на обладание объективным знанием о мире, является актуальной для православного богословия на рубеже третьего тысячелетия» [10].

Церковные деятели говорят также о христианских ценностях как в общем метафизическом плане, подчеркивая их фундаментальный характер, так и применительно к особенностям современного цивилизационного процесса. С православно-метафизической точки зрения, ценность и место

человека в мире определяются тем, что он «является одним из творений, но вместе с тем – творением особенным, *Imago Dei*, образ самого Творца – вот первое определение человека. Разум и свободная воля являются чертами этого образа, и человек обретает их в силу рождения. Однако подлинный источник этих качеств – Бог, а потому их ценность определяется тем, что они позволяют человеку следовать призыву, с которыми к нему обращается Бог: призыву к богообщению и богоуподоблению» [11].

Профессиональный физик и богослов, секретарь ученого совета Санкт-Петербургских духовных академий и семинарии, настоятель Храма святых апостолов Петра и Павла при Санкт-Петербургском государственном университете К. Копейкин исходя из богословской метафизической традиции представления мира как логосной реальности делает акцент на ценностном значении в натуртеологии Запада категории «света» – *фундаментальной субстанции тварного существа*. Он анализирует учение средневекового мыслителя, оксфордского профессора францисканца Роберта Гроссетеста, епископа Линкольнского, который отводил свету главную роль в процессе творения мира, а также рассматривал свет как *субстанцию понимающего ума*. Будучи физиком по образованию, И. Копейкин проводит довольно смелые параллели с фундаментальным значением света как потока фотонов, имеющих неизбежную константу скорости в теории относительности А. Эйнштейна, и заключает, что «теория относительности свидетельствует, по существу, о том же, о чем говорил когда-то Гроссетест: свет есть начало воспринимаемой нами телесности, понимаемой как способ отношения одной части мира к другой» [12].

Кроме того, богослов делает акцент на единой метафизической системе науки и религии, в рамках которой и должны обсуждаться важнейшие вопросы взаимосвязи Бога, человека и природы. Поскольку наука постоянно находится в развитии, постольку необходимым является ее непрерывающийся диалог с христианской религией. Добавим, что таинства литургии и возвышенность церковно-славянского языка всегда сохраняли определенный мистический характер в православной ветви христианства.

В настоящее время все более активизируется диалог между различными ветвями христианства и научным сообществом. Это связано как с новейшими открытиями в естествознании, так и с глобальными проблемами, с которыми столкнулось человечество на рубеже XX–XXI вв. Естественно-научная программа метафизических исследований осмысливается прежде всего в плане возможности разработки общей методологии теолого-научных исследований, а также мировоззренческой интерпретации новейших открытий в физике, космологии и биологии.

Известный современный физик Р. Рассел считает необходимым формирование общей методологии теологических и научных исследований, поскольку, по его мнению, существенно расширилось поле междисциплинарных исследований «теология и наука». Метод критического реализма становится определяющим для совместных научно-теологических проектов [13].

Довольно оригинальным представляется подход к методологии совместных теолого-научных исследований другого известного западного физика – Я. Барбэра [14]. Ученый считает, что способы проверки научных теорий довольно сходны с теологическими методами доказательств, если их рассматривать в обобщенном плане. Так, и наука, и теология опираются на определенные данные: в науке это эмпирические факты, а в теологии – религиозный опыт и тексты Писания. В каждой духовной сфере существуют свои сообщества экспертов, которые оценивают предлагаемые новации как с точки зрения их претензии на разумность и истинность, так и с эстетических и аксиологических позиций. При этом и в науке, и в религии всегда сосуществуют конкурирующие доктрины, ведутся дискуссии, а также большое значение имеют исторический и социокультурный факторы. В то же время, считает Барбэр, хотя наука многое объясняет из того, что существует в мире, есть такие проблемы и вопросы, которые выходят за пределы возможностей науки в принципе. Например, такой глубоко метафизический вопрос: почему вообще существует мир?

В последние 10–15 лет в целом отмечается существенное расширение сферы исследований по метафизике со стороны ученых. А.И. Панченко ставит вопрос о введении и осмыслении таких новых понятий, как «трансцендентальная физика» и «экспериментальная метафизика» [15]. О новой онтологии говорят в связи с исследованиями происхождения Мультиверса (Метагалактики) и «нашей» Вселенной (теория Большого взрыва, теория струн и др.), структуры «последней реальности» (теория Всего), под которой понимают космологический вакуум, а также телеологичности развития Вселенной (антропный принцип). Так, С.Н. Жаров и Н.А. Мещерякова на основе анализа теорий известных физиков и космологов С. Вайнберга, Д. Гросса, А.Д. Линде приходят к выводу: «Современная космология сдвигает классически понятия границы между физикой и метафизикой, что свидетельствует о смысловом переплетении физического и метафизического в космологическом дискурсе» [16].

В.В. Казютинский показывает, что революционные, по его мнению, открытия в физике космоса требуют переосмысления метафизического

понимания реальности: «Суть проблемы: что такое реальность, реально ли только наблюдаемое или же (по крайней мере, в некоторых случаях, предусмотренных физическими теориями) ненаблюдаемое также может рассматриваться как определенный тип или форма физической реальности?» [17]. Скрупулезно анализируя известные космологические теории (А.А. Фридмана, А. Эддингтона, Дж. Джинса, Р. Пенроуза, Б. Грина, С. Хокинга и др.), ученый приходит к методологически важному выводу о правомерности признания объективной реальности не самой по себе, а как формы ее проявления в познавательных ситуациях на экспериментально-наблюдательной основе соответствующих фундаментальных теорий.

В теориях жизни необходимо отметить увеличение числа метафизических гипотез, идущих вразрез с ранее незыблемой синтетической теорией эволюции. Это гипотезы телеологического (энтелехиального) типа, гипотезы диспозиционной заданности, или телеономичности химико-биологических процессов, лежащих, как представляется, в основе генезиса и развития живых организмов. С помощью данных гипотез пытаются объяснить направленную ускоренную цефализацию (неоомогенез), в целом опережающую морфологические изменения и дающую возможность в кратчайшее время выйти на уровень разумной жизни (В.И. Вернадский о так называемом «принципе Дана», Л. Берг, Р. Том, А. Лима-де-Фариа, А.А. Любищев, С.Д. Хайтун и др.).

Метафизические проблемы науки всесторонне обсуждаются в печати и на научных конференциях [18]. Так, теория известного физика М.Б. Менского о квантовом сознании как выборе альтернатив, наиболее благоприятных для жизни, является новой попыткой введения сознания в интерпретационную картину квантовой механики и свидетельствует об интуитивном понимании физиками метафизической значимости фактора креативности сознания [19].

С точки зрения физика А.П. Ефремова, чтобы понять сознание, необходимо расширить понятие объективной реальности. В метафизическом плане имеет смысл «говорить об объективности математических структур и отношений, то есть о независимости математики от человека» [20]. Человек лишь открывает эти структуры, но не создает их. А.П. Ефремов пишет: «Человеческое сознание можно рассматривать как вид прибора для обработки информации: ее получения, хранения, передачи. Но в отличие от технических устройств человек способен также осмысливать полученную им информацию (реализовывать функцию понимания), а также создавать новую информацию» [21]. Однако если человеческие пять чувств получают из внешней среды «неоцифрован-

ные» сигналы и поэтому как физические приборы оказываются очень неточными, то при математическом способе передачи информация в принципе не искажается, если, конечно, не допускаются математические ошибки. Сознание в таком случае как своего рода антенна настраивается на «прямой» прием и передачу информации.

Аналогично с метафизических позиций подходит к исследованию природы физико-математического знания Ю.И. Кулаков. Он полагает, что в математике и физике можно выделить так называемые сакральные структуры, причем сакральная физика рассматривается как часть сакральной математики. «Дело в том, – пишет Ю.И. Кулаков, – что наряду с макромиром и с невидимым микромиром существует не менее важный для нас, – еще один невидимый мир – Мир Высшей реальности. О необычной физике этого Мира и идет речь в Теории физических структур» [22].

Теорию использования языка информатики для описания живых систем (Д.С. Чернавский) поддерживает физик С.В. Петухов. С его точки зрения, «живая материя, обеспечивающая передачу наследственной информации по цепи поколений, предстает информационной сущностью, глубоко алгебраичной по своей природе» [23]. Ученый считает, что абстрактные математические структуры, выведенные математиками «на кончике пера» 160 лет назад, оказываются воплощенными в информационной основе живой материи – системе генетических алфавитов.

Впечатляющим примером, по мнению С.В. Петухова, являются законы Менделя, которые, как показывают исследования, базируются на более глубоких алгебраических закономерностях молекулярного уровня: «Представляется, что Мендель открыл верхушку огромного алгебраического айсберга организации живой материи. Матричная генетика открывает новые части этого айсберга. Видимо, живая материя в своей основе является алгебраической информационной сущностью» [24]. С.В. Петухов приходит к выводу: «*Энциклопедия Жизни написана сплетением многих взаимосвязанных алфавитов, имеющих алгебраическую основу*» [25].

На мой взгляд, можно дискутировать по поводу того, какие известные математические структуры лежат в основе мироздания. По мере развития математики, а также математической физики исследователи нередко становились на сторону Платона, согласно которому в основе мироздания лежат правильные геометрические фигуры и числовые пропорции. Платонистами были Г. Галилей («книга природы написана на языке математики»), Л. Кронекер («натуральный ряд чисел дан Богом»), Г. Кантор («в множествах выражается актуальная бесконечность»), Г. Герц («уравнения Максвелла продиктованы Богом»). Из математиков

XX в. назовем Г. Фреге, К. Геделя, М. Клайна, П. Эрдоса («существует божественная книга, где записаны все лучшие доказательства»).

Особо выделим крупного ученого современности, известного своими трудами в различных областях математики, общей теории относительности и квантовой теории, – Р. Пенроуза, который утверждает, что «Богом данные» математические идеи существуют как бы вне времени и независимо от людей, что платоновский мир идей – это та реальность, куда проникает ум человека в творческом вдохновении. Согласно Пенроузу, математики в самых великих своих открытиях наталкиваются на «творения Бога», на истины уже существующие где-то «там вовне» и не зависящие от них самих.

Наиболее убедительными примерами, по мнению Р. Пенроуза, стали: 1) открытие в XVI в. Дж. Кардано комплексных чисел, которые являются неотъемлемой частью структуры квантовой механики, а следовательно, лежат в основе поведения самого мира, в котором мы живем; 2) открытие в конце XX в. Б. Мандельбротом (одним из главных разработчиков теории фракталов) сложного множества, которое также обладает онтологическим статусом. Пенроуз пишет: «Множество Мандельброта – это не плод человеческого воображения, а открытие. Подобно горе Эверест, множество Мандельброта просто-напросто уже существовало “там вовне”!» [26]. Фактически Пенроуз дает онтологическую трактовку множеству Мандельброта. Важно подчеркнуть, что с метафизической точки зрения речь идет о новой *фундаментальной структуре бытия – информации*.

Глубокий анализ влияния метафизических программ на развитие физики проводится известным физиком Ю.С. Владимировым [27]. Ученый выдвигает метафизический принцип фрактальности и на его основе сравнивает различные физические теории и исследовательские программы. Он считает, что «метафизику следует рассматривать как иерархию из 8 метафизических парадигм: (редукционистской) триалистической, трех пар дуалистических и одной монистической (холистической), которые представляют собой взгляд на единое мироздание под разными углами зрения» [28].

Особое внимание Ю.С. Владимиров уделяет разработке программы так называемой бинарной геометрофизики. Эта программа, как полагает ученый, «самым непосредственным образом связана с метафизикой и ее принципами, без которых невозможно обсуждение оснований любой дисциплины. При этом следует сразу же подчеркнуть, что метафизика предназначена не для доказательств, а именно для осмысления исходных

принципов, используемых теоретических конструкций и полученных результатов. Доказательства же – задача математики и физики» [29]. Необходимо согласиться с физиком в том, «что бессмысленно требовать доказательств наличия того или иного метафизического принципа. Они, как и аксиомы в геометрии, не доказываются, а открываются и используются. Их правомерность обосновывается лишь плодотворностью развиваемых на их основе рассуждений» [30].

Для этого важно исходить из того, что метафизика представляет собой наиболее абстрактную форму рефлексии над проблемами бытия и человека, а также познания, морали и праксиса. Метафизика является сердцевинной (ядром) философского знания и любого другого знания. «С самого своего возникновения в философии, – справедливо пишут А.В. Иванов и В.В. Миронов, – наличествует некое прочное центральное ядро, как бы сердце философии» [31]. С точки зрения этих авторов, термин «метафизика» не следует отождествлять с термином «философия», правильнее придерживаться ставшего классическим представления «о метафизике как философской теории, исследующей предельные основания бытия или первоосновы всего сущего» [32].

При таком понимании метафизика выступает как фундаментальное основание философии в целом, как ее сущностная структура. Вся дифференциация философских дисциплин, вполне резонно считает В.В. Миронов, «реализуется лишь внутри общего метафизического пространства, ибо в той или иной степени любая конкретная философская дисциплина (от эстетики до философии религии) представляет собой ту или иную конкретизацию общих метафизических ракурсов исследования (онтологического, гносеологического и аксиологического), а также сложившихся в истории философии фундаментальных метафизических (или философско-теоретических) ходов мысли» [33]. Метафизика, иначе говоря, должна выполнять роль скаута, стремясь преодолеть границы познанного и заглянуть в еще неведомое.

Наряду с вышесказанным можно отметить также два важных аспекта эвристической роли метафизики в развитии естествознания. Первый состоит в том, что именно в рамках различных метафизических программ Древней Греции были разработаны важнейшие понятия, составившие ядро науки Нового времени. В отечественной философии науки этот аспект довольно полно исследован В.С. Степиным, хотя он в свое время еще не делал различия между «метафизикой» и «философией». «Сопоставление истории философии и истории естествознания, – пишет В.С. Степин, – позволяет констатировать, что философия обладает опре-

деленными прогностическими возможностями по отношению к естественнонаучному поиску, поскольку она способна заранее вырабатывать необходимые для него категориальные структуры» [34].

В западной философии науки данный аспект вопроса о креативной функции метафизики всесторонне исследовал автор так называемой «исторической эпистемологии» М. Вартофский. Он показал, что «понятия материи, движения, силы, поля, элементарной частицы и концептуальные структуры атомизма, механицизма, прерывности и непрерывности эволюции и скачка, целого и части, неизменности в изменении, пространства, времени, причинности... первоначально имели метафизическую природу и оказали громадное влияние на важнейшие построения науки и на ее теоретические понятия» [35].

Второй аспект, также проанализированный М. Вартофским, заключается в латентном креативном влиянии на теоретическую деятельность ученых со стороны фундаментальных структур метафизических концепций, формирующих в своей совокупности исходное представление о научной рациональности. Согласно М. Вартофскому, «история альтернативных метафизических систем предстает... как богатейшее наследие теорий структуры, в которых в наиболее общей форме выражены существенные черты теоретического построения знания» [36]. На примере хорошо разработанных систем метафизики ученые обучаются приемам систематизации материала, референции, абстрагирования и идеализации, что является необходимым для их профессиональной работы.

Однако, на мой взгляд, для того чтобы всесторонне осмыслить и понять креативную (эвристическую) функцию метафизики, требуется историко-философское исследование, т.е. исходная, базисная программа, относительно автономная и вместе с тем взаимосвязанная с теологической и естественно-научной программами. Историко-философская программа должна показать креативную функцию метафизических принципов, или эйдосов, наиболее плодотворных для развития науки и культуры в целом. Данные принципы-эйдосы успешных исследовательских программ, доказывающих свою эффективность на протяжении длительного времени, я называю *креативами*.

Такие принципы, с одной стороны, выражают структуру имманентной креативности универсума, а с другой – становятся креативами (исходными импульсами) развития человеческого духа и культуры (так называемая «филиация идей»). Искусственно сконструированные принципы, так же как и гипотезы *ad hoc* в науке, могут играть определенную положительную роль, но в конечном счете оказываются лишь переход-

ным звеном к фундаментальным принципам устройства природы и человеческой деятельности.

Современникам, как правило, очень трудно определить, является ли выдвинутый принцип подлинным открытием, на основе которого в дальнейшем будут развиваться плодотворные метафизические и научные программы, или это сконструированный артефакт, тормозящий, а порой и направляющий по ложному пути дальнейшие исследования. Однако ретроспективно, с позиций современной науки, на мой взгляд, эвристически значимыми выступают семь бинарных взаимодополнительных метафизических программ Античности:

1) программы, основанные на поиске первоначала («архе») мироздания: в основе мира лежит материальное первоначало (большинство досократиков) vs в основе мира находится нечто идеальное (пифагорейцы, Платон, неоплатоники). Компромиссный вариант – материальное и идеальное как неразрывное единство и основа мироздания (Аристотель, стоики);

2) программы, опирающиеся на постулирование принципа структурности: мир изначально дискретен (Демокрит, Эпикур, Платон) vs «природа не терпит пустоты» (элеаты, Аристотель, стоики). Компромиссный вариант – мир и дискретен, и континуален (Анаксагор, неоплатоники);

3) программы взаимодействия и взаимосвязи всех составляющих мироздания: элементы мира могут взаимодействовать между собой, не входя в прямое соприкосновение (дальнодействие атомов под влиянием силы тяжести – Демокрит, Эпикур), vs «пневма заполняет мир, как мед соты» (передача импульса от точки к точке – стоики, Аристотель). Компромиссный вариант – взаимодействие макро- и микрокосмоса происходит одновременно через перманентную эманацию Единого и порождаемые им дискретные структуры Мирового Ума и Мировой Души (неоплатоники);

4) программы, в основе которых лежит метафизический принцип движения: «все, что движется, движется чем-то», перводвигатель должен иметь нематериальную природу (Платон, Аристотель) vs движение есть естественный атрибут самого мира (Гераклит, Демокрит, Эпикур). Компромиссный вариант – движение существует лишь в мире явлений, истинное бытие неподвижно, неизменно и вечно (элеаты);

5) программы, исходящие из принципа причинности: «люди измыслили случай», мир – это совокупность однозначных причинно-следственных связей (Гераклит, стоики, Демокрит) vs спонтанность и вероят-

ность лежат в фундаменте мироздания (Эпикур, Л. Кар). Компромиссный вариант – первоимпульс имеет вероятностный (божественный) характер, а дальше мир развивается по объективным законам (Аристотель);

б) программы, рассматривающие космоустройство: космос устроен целесообразно и гармонично, Земля – в центре мироздания (Эмпедокл, Платон, Пифагор, Аристотель) vs планета Земля не находится в центре мироздания, может существовать множество миров (Демокрит, Эпикур). Компромиссный вариант – Земля не является центром космоса, но космос гармоничен (Филолай);

7) программы, связанные с метафизическим пониманием природы времени: время как иллюзия чувств человека, «тьма», «подобие вечности» (элеаты, Платон) vs время – объективная сущность, «поток», длительность, связанная с движением (Гераклит, Аристотель). Промежуточная версия – время циклично и «Платон снова будет разговаривать с Аристотелем» (стоики).

Итак, хотя и довольно схематично, но намечена реконструкция основных мировоззренческих исследовательских программ Античности, базирующихся на неизменных, актуальных и сегодня метафизических принципах. Соглашаясь с И. Лакатосом в том, что количество исходных программ в каждой науке является ограниченным, можно выдвинуть дополнительный тезис об исходном наборе открытых древними греками априорных (трансцендентальных) принципов, в целом задавших креативный (эвристический) импульс для последующих конкретно-научных исследований проблем мироздания.

Таким образом, предлагается существенно расширить понятие метафизики. Полагаю, что *любые принципы в любой науке*, а тем более философские принципы, являются метафизическими. Принципы не обосновываются, поскольку само обоснование, в свою очередь, потребовало бы соответствующего обоснования и т.д., что ведет к «порочному кругу», или «дурной бесконечности» (Гегель). Принципы открываются, как и законы природы, однако по отношению к последним они безусловно первичны. О степени их фундаментальности трудно судить заранее. Поэтому вначале принципы принимаются конвенционально, по определению, а об их жизнеспособности и плодотворности судят по конструируемым на их основе исследовательским программам, которые обладают «позитивными эвристиками» (Лакатос).

Ту или иную оценку постулируемых принципов, очевидно, можно дать только ретроспективно, что, впрочем, характерно также для науч-

ных гипотез и даже математических структур. Если принципы носят креативный, эвристический характер, то их можно назвать для краткости и выразительности *креативами*. В концептуальном плане, таким образом, будем понимать под *креативом* заключительную стадию творческого процесса, когда сгенерированная каким-то индивидом новая идея (новация), попав в резонанс с культурно-историческими условиями среды, принимается сообществом профессионалов как открытие (инновация) и оказывает в дальнейшем позитивное воздействие на развитие тех или иных направлений науки либо других сфер социокультурной деятельности.

Подчеркну: принципы-креативы всегда первичны по отношению к любому рода законам, структурам и теориям. Иначе говоря, эти принципы-креативы носят метафизический, априорный, трансцендентальный характер. По моему мнению, большинство принципов-креативов было открыто еще в I тыс. до н.э. – «осевое время человечества» (К. Ясперс). Реконструкция целостной системы классических метафизических исследовательских программ и принципов-креативов в философских системах Древнего Востока и Античности является целью дальнейших исследований.

Примечания

1. *Чаньшиев А.Н.* Курс лекций по древней философии. – М.: Высшая школа, 1981. – С. 285.
2. *Кант И.* Критика чистого разума. – М., 1994. – С. 42.
3. *Иванов А.В., Миронов В.В.* Университетские лекции по метафизике. М.: Современные тетради, 2004. – С. 308.
4. *Хайдеггер М.* Метафизика вот-бытия как фундаментальная онтология // Мартин Хайдеггер и философия XX века. – Минск, 1997. – С. 190.
5. См.: *Яковлев В.А.* Христианская метафизика и генезис классической науки // Философия и культура. – 2011. – № 6 (42). – С. 142–150.
6. *Суркова Л.В., Яковлев В.А.* Метафизика в Ватикане // Метафизика. Век XXI: Альманах. Вып. 2: Сб. ст. / Под ред. Ю.С. Владимирова. – М.: ООО «Издательство «БИНОМ. Лаборатория знаний», 2007. – С. 144.
7. Цит. по: *Суркова Л.В., Яковлев В.А.* Метафизика в Ватикане. – С. 146.
8. Цит. по: *Суркова Л.В., Яковлев В.А.* Метафизика в Ватикане. – С. 146.
9. Цит. по: *Суркова Л.В., Яковлев В.А.* Метафизика в Ватикане. – С. 146.
10. Юбилейный Архиерейский Собор Русской Православной Церкви: Сб. докладов и документов. – СПб., 2000. – С. 89.
11. *Кырлежев А.И.* Взаимоотношение концепции прав человека и религиозных ценностей // Церковь и Время: Научно-богословский и церковно-общественный журнал. – 2006. – № 4 (37). – С. 27.

12. *Копейкин К.* Богословский и естественнонаучный взгляд на онтологическую природу мироздания // *Метафизика*. – 2011. – № 1. – С. 131.
13. См.: *Russel R.J., Wegter-McNell K.* Science and theology: mutual interaction // *Bridging Science and Religion* / Ed. by T. Peters, G. Bennett. – L., 2003. – P. 19–34.
14. См.: *Barbour J.* Religion in an age of science: The Gifford Lectures, 1989–1991. Vol. I. Ch. I: Ways of Relating Science and Religion; Ch. 3: Similarities and Differences. – N.Y., 1990. – P. 3–30; 66–92.
15. См.: *Панченко А.И.* Физическая реальность: трансцендентальная физика или экспериментальная метафизика? // *Философский журнал*. – № 1. – 2008. – С. 68–76.
16. *Жаров С.Н., Мецзяркова Н.А.* Современная космология: у истоков новой рациональности // *Современная космология: философские горизонты* / Под ред. В.В. Казютинского. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. – С. 125.
17. *Казютинский В.В.* Космология, теория, реальность // Там же. – С. 8.
18. См.: *Гинзбург В.Л.* «Физический минимум» – какие проблемы физики и астрофизики представляются особенно важными и интересными в начале XXI века? // *Успехи физических наук*. – 2007. – Т. 177, № 4. – С. 346; *Иваницкий Г.Р.* XXI век: что такое жизнь с точки зрения физики? // *Успехи физических наук*. – 2010. – Т. 175, № 4. – С. 338–367; *Менский М.Б.* Квантовая механика, сознание и мост между двумя культурами // *Вопросы философии*. – 2004. – № 6; *Он же.* Человек и квантовый мир. – Фрязино, 2005; *Он же.* Концепция сознания в контексте квантовой механики // *Успехи физических наук*. – 2005. – Т. 175, № 4; *Он же.* Квантовые измерения, феномен жизни и стрела времени: связи между «тремя великими проблемами» (по терминологии Гинзбурга) // *Успехи физических наук*. – 2007. – Т. 177, № 4. – С. 415; *Яковлев В.А., Владимиров Ю.С., Эрекаев В.Д.* Философия физики: актуальные проблемы: Аналитический обзор материалов Международной научной конференции. Москва, 17–19 июня 2010 // *Эпистемология & философия науки*. – 2011. – Т. XXXVIII, № 2. – С. 234–238.
19. См.: *Яковлев В.А.* Метафизика креативности // *Вопросы философии*. – 2010. – № 6. – С. 44–54; *Он же.* Сознание как метафизическая проблема современной физики // *Философия науки*. – 2012. – № 3 (54). – С. 117–131.
20. *Ефремов А.П.* Вселенная в себе и пути познания // *Метафизика*. – 2011. – № 4. – С. 112.
21. Там же. – С. 112–113.
22. *Кулаков Ю.И.* Теория физических структур – математическое основание фундаментальной физики // *Метафизика. Век XXI*. – М.: ООО «Издательство «БИНОМ. Лаборатория знаний», 2006. – С. 135.
23. *Петухов С.В.* Гиперкомплексные числа, генетическое кодирование и алгебраическая биология // *Метафизика*. – 2012. – № 3 (5). – С. 64.
24. Там же. – С. 83.
25. Там же. – С. 86.
26. *Пенроуз Р.* Новый ум короля: О компьютерах, мышлении и законах физики. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – С. 107.
27. *Владимиров Ю.С.* Метафизика. – М.: ООО «Издательство «БИНОМ. Лаборатория знаний», 2002.
28. *Владимиров Ю.С.* [Предисловие редактора] // *Метафизика. Век XXI*. – С. 5.
29. *Владимиров Ю.С.* Реляционные основания физики и метафизика // *Метафизика. Век XXI: Альманах*. Вып. 2. – С. 151–152.
30. *Владимиров Ю.С.* Фундаментальная теоретическая физика и метафизика // *Метафизика*. – 2011. – № 4. – С. 93.
31. *Иванов А.В., Миронов В.В.* Университетские лекции по метафизике. – С. 50–51.

32. Там же. – С. 51.
 33. *Мионов В.В.* Становление и смысл философии как метафизики // *Метафизика. Век XXI: Альманах. Вып. 2.* – С. 40.
 34. *Степин В.С.* О прогностической природе философского знания: философия и наука // *Вопросы философии.* – 1986. – № 4. – С. 42.
 35. *Вартофский М.* Эвристическая роль метафизики в науке // *Структура и развитие науки.* – М., 1978. – С. 63.
 36. Там же. – С. 84.

Дата поступления 21 января 2013 г.

Московский государственный
 университет им. М.В. Ломоносова,
 г. Москва
Goroda460@yandex.ru

Iakovlev, V.A. Metaphysics: heuristic programs and principles of science

The paper briefly considers the history of the problem of metaphysics of existence of nature and human. The author analyzes its current state in philosophical, religious and natural-scientific contexts. He gives proof of the definition of metaphysics as a kernel of spiritual theoretic activity, i.e. a set of eidetic creative things which form the basis structure of scientific research programs. He also marks out seven antique binary metaphysical programs which were mutually complementary; further these programs determined guidelines of scientific activities.

Keywords: metaphysics, existence, creative things, principles, oppositions, innovations, program